

Западный форпост Москвы

Начало XVIII столетия совпало с разразившейся Северной войной, в которой Россия нанесла поражение Карлу XII и успешно решила задачу выхода к Балтийскому морю.

Начиная эту войну, главной своей целью шведский король Карл XII ставил захват Москвы; Вязьма могла оказаться на пути движения вражеской армии, а потому ей была определена роль западного форпоста Москвы, важного пункта в системе обороны страны, в частности, места сосредоточения крупных запасов провианта для нужд армии. Согласно первоначальному плану, провиантские склады (магазины) создавались в семи городах, в том числе и в Вязьме. Заготавливались мука, крупа, сахар, овес, рожь и ячмень. О том, какое значение придавал Петр I Вязьме в это время, можно судить по тому факту, что создание здесь резерва провианта он поручил своему сыну Алексею.

Представление о самом городе и его окрестностях начала второй четверти XVIII века может дать ответ канцелярии смоленского губернатора на запрос герольдмейстерской канцелярии департамента герольдии о городах губернии, который был составлен в октябре 1725 года. О Вязьме было сказано: «В том городе ветхие малой и большой города (крепости) построены деревянные, на насыпном валу. В стенах шесть башен каменных. А оной город и вал стоят на косогоре, на реке Вязьме». В ответе затрагивались и другие вопросы. Отмечалось, в частности, что в местной реке «рыбы бывает малое число, а именно: щуки, окуни, плотва, язи, налимы, пескари, уклей, лини», что город довольно имеет садов, что «всякие огородные овощи родятся, а в трав родится мало» и что «в уезде хлеб родится рожь, пшеница, овес, ячмень, греча». В заключение справки говорилось: «И этот город истару русский...». В самом начале столетия (1702 г.) посаженных дворов в городе было 306, а с дворами помещичьих и монастырских крестьян уезда — 5987.

Экономические примечания к плану генерального межевания 1776 года делят Вязьму на две основные части — Кремль и предместья. Кремль ограничивался высоким валом с пятью четырехугольными каменными башнями. Судя по тому, что башни превращены были в склады для хранения казенной соли и доставляемого подрядчиками вина, вяземская крепость к концу XVIII века потеряла свое былое значение. Из других строений названы 15 церквей, каменный магазин, здание магистрата, 18 питейных заведений, 407 купеческих и 943 помещичьих дома, 11 домов, принадлежавших городским чиновникам, шесть — пушкарям, 21 — помещикам, 26 — солдатам штатной команды, 66 — духовенству, 195 лавок, в которых продавались «разные иностранные и российские шелковые, бумажные и прочие материи», упряжь и продукты питания, в том числе 28 лавок мясного ряда, шесть каменных и 28 деревянных амбаров для хранения привозных товаров, шесть харчевен, 77 кузниц и 66 других зданий. Город застраивался в это время по вновь утвержденному — «копированному» плану (фотокопия такого плана хранится в му-

зее города). Именно в это время определились кварталы с прямыми улицами и переулками, со строгим расположением казенных и государственных зданий.

Говоря о промышленных занятиях горожан, документ отмечает, что «немалое число из купечества и мещанства обращается к живописной, столлярной, штукатурной, резной, слесарной, медной, кузнечной, портной, чеботарной, седельной, кафельной и печной работам; женщины шьют в плящах золотом и шелком, плетут кружева, вяжут чулки и вареги, а по большей части — прядут лен, ткнут холсты и полотна своего употребления и на продажу». В числе крупных промышленных заведений отмечено 54 кожевенных завода, которые изготавливали черную, белую и красную юфть, и 12 кирпичных заводов. Однако о величине предприятий ничего не говорится. Вероятно, это были небольшие ремесленные мастерские, одна из которых со временем прекратила свое существование, а другие выросли и приблизились к мануфактурам. Во всяком случае, уже в конце XVIII века здесь существовало только 13 кожевенных заводов. Все они были размещены в предместьях. Кроме того, в конце XVIII века в Вязьме было два предприятия, названных заводами по изготовлению колоколов. Они работали не на волюную продажу, а по подрядам. Медь закупалась в Москве и «других разных местах». Колокола отливались весом от 5 до 100 пудов. Купцы Вязьмы торговали пенькой, хлебом, медом, воском, кожевенным («юфтовым») и другими товарами в своем городе, а также в Петербурге, Риге, Гданьске, в белорусских городах. Некоторые из них делали на продажу коврижки — вяземские пряники. В закупке и сбыте товаров большую роль играли местный торг и ярмарка. Торг собирался три раза в неделю. О культуре того времени сведения сохранились в «ремарке», составленной около 1800 года. В ней отмечено только одно народное училище.

ПОД ЗНАМЯ

ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

В операциях Пугачева под Казанью участвовала группа рекрутов, бежавших весной 1774 года из Вязьмы. Один из них, Аксен Иванов, из отряда Пугачева вернулся на Смоленщину. Будучи задержанным в Дорогобуже, он многократно наказывался «кошачками», но это не вызвало в нем раскаяния. Он так и не сказал, почему бежал к Пугачеву, что делал у него и с какой целью вернулся в Смоленскую губернию. В Вязьме бывал беглый рекрут Моисей Пладенков, агитировавший в пользу Пугачева и назвавшийся участником крестьянской войны.

В августе 1774 года из вяземского имения помещицы Л. Шатиной (сельцо Рожаново) пять дворовых и крестьян бежали в армию Пугачева, а вместе с ними, назвавшийся уже на допросе «кулецким сыном», Василий Кручинин. При побегах крестьяне взяли у помещика 4 ружья, порох, 30 рублей денег и увели 5 лошадей. На допросе в гайной экспедиции обнаружилось, что Кручинин, будучи грамотным, писал «записки», т. е. пытался в письменной форме выразить свое отношение к восстанию Е. И. Пугачева.

В следственном деле указано, что при арестованном Кручинине найдена «тетрадка» с записями наблюдений, среди которых упомянута казна 5 сентября 1774 года сподвижника Пугачева Белобородова, которую он очевидно наблюдал.

В селе Больших Алабухах Тамбовской провинции был задержан и в феврале 1775 года доставлен в Вязьму дворовый человек вяземской вотчины вице-адмирала Лопухина Дмитрий Пономарев, который служил в Петербурге при доме господском парикмахером, а потом «бежал, укрывался в разных селениях и, наконец, попал в... партию Пугачева», где выполнял обязанности писаря. Пономарев допрашивался в вяземской возводской канцелярии и после наказания батогами был сослан на вечное поселение в Сибирь.

Новый подъем классовой борьбы ознаменуется началом Отечественной войны 1812 года.

В «ГРОЗУ

ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

На социально-экономическую жизнь города и в целом Вяземского уезда первых десятилетий XIX века большое влияние оказала Отечественная война 1812 года. В сознании народа она запечатлелась как «гроза двенадцатого года». События ее развевались стремительно. Превосходство Наполеона в военных силах заставило русские армии, разединенные большим расстоянием, отходить в глубь страны. 22 июля они соединились в Смоленске. В жарких боях 4—5 августа на подступах и в самом городе врагу был нанесен значительный урон, но на генеральное сражение, на что рассчитывал Наполеон, русское командование не пошло и продолжало отвод своих войск в сторону Вязьмы. В ночь на 13 августа был оставлен Дорогобуж. Наполеон продвигался по пятам. В районе Семлева произошел кровопролитный бой, но 16 августа была оставлена и Вязьма: русские армии отошли дальше на восток. 17 августа у Царево-Займища командование ими принял М. И. Кутузов. Чувства глубокого патриотизма вызвала война в сердцах жителей Вяземского уезда. 1113 человек из них вступили в ополчение, многие объединились в партизанские отряды.

Во время контр наступления русских войск в конце октября Вяземский уезд опять стал ареной военных операций. 22 октября (3 ноября), когда Наполеон с гвардией находился в Семлеве, корпус Нея — в Вязьме, а корпус Богарне и Понятовского подтягивались к Вязьме, Кутузов отдал распоряжение корпусу Милорадовича перерезать пути отхода корпусу Даву, а отряду казаков Платова нанести удар по вражеским войскам с тыла. Для усиления войск Милорадовича Кутузов направил генерала Уварова с двумя кирасирскими дивизиями. Выступив тремя колоннами из Спасского, Милорадович подошел к селу Максимова к Смоленской дороге и внезапно обрушился на отходившую колонну Даву, смял ее и занял дорогу. Платов теснил противника с тыла и совместно с 26 пехотной дивизией выбил французов из Федоровского. Объединенные силы Милорадовича, Платова и Уварова опрокинули противника

и отбросили его к Вязьме. Начался штурм города, и в 4 часа того же 22 октября на его улицы устремились солдаты Милорадовича, казаки Платова, партизаны Сеславина и Фигнера. При взятии Вязьмы особенно отличился Перновский полк под командованием генерал-майора Чоголокова. С развернутыми знаменами и барабанным боем он одним из первых ворвался в город, проявил в сражении отвагу и храбрость. Бой за Вязьму длился около десяти часов. Французы потеряли более 6 тысяч убитыми и ранеными и 2,5 тысячи пленными.

Вязьма принадлежала к числу наиболее разоренных городов: было сожжено и разрушено 1183 дома, 436 лавок, 17 зданий промышленных предприятий. Убытки исчислялись в 5550 тысяч рублей и были почти равными убыткам Смоленска. Большой урон нанесли уезду. Общие убытки его составляли 14,5 миллиона рублей, или 19,3 процента всех убытков губернии. Несмотря на скромную помощь (суда хлебом на 49016 рублей и деньгами — 27875 рублей), город постепенно восстанавливался. Уже в 1821 году в Вязьме работало три кожевенных завода и пять по производству сальных свечей. На кожевном заводе в 10 чанах три работника обрабатывали до 800 кож. В уезде к этому времени была восстановлена только суконная мануфактура в селе Белавка. К середине столетия в уезде насчитывалось уже 57 предприятий с годовым производством в 452884 рубля. По ведомости 1843 года в самой Вязьме значилось 9 кожевенных, три свечно-сальных, четыре воскобойных, красильное заведение и три — по производству патоки.

Славилась Вязьма изготовлением пряников. Отмечалось восемь пряничных мастерских. В середине столетия вновь значится небольшой колокольный завод. Из предприятий уезда выделялись суконная мануфактура в Тюхменеве и кожевенный завод в Семлеве. Развивалась кустарная промышленность и ремесло. В 1861 году в Вязьме насчитывалось 172 кустаря и ремесленника, в том числе 57 сапожников, 16 портных, 34 кузнеца, 10 столяров. В городе было 326 лавок, 2 магазина, два трактира, три гостиницы, две харчевни, 25 постоялых дворов. В этом же году его население составляло 8646 человек.

Город разделялся рекой Вязьмой на две части — восточную и западную. В свою очередь западная делилась речкой Бебрей на северную и южную части. Центральной была часть города, простиравшаяся на юг от Бебри. Здесь находились присутственные места, каменный гостиный двор, построенный по новому плану во второй половине XVIII века, торговые ряды (корпус с лаками) и лучшее дома купцов. Здесь же собирался еженедельный торг по средам, пятницам и воскресеньям. Северная часть была богата садами и огородами. Лучшими улицами Вязьмы были Смоленская, Московская, Бельская и Калужская. Все они были вымощены камнем. В 1854 году купцы Нероновы вымостили подболотную улицу. На реке Вязьме было четыре деревянных моста — Сусленников, Смоленский, Зуевский и Фроловский, на Бебре — один Егорьевский. Выше Фроловского моста на Вязьме и на Бебре были построены две мельницы.

«ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ

ПОРЫВЫ...»

Отечественная война 1812 года явилась одним из объективных условий формирования революционной идеологии будущих декабристов, «первенцев свободы» России. Свыше десяти лет прожил в своем небольшом имении Жуково

Вяземского уезда один из шести учредителей Союза спасения и активный член Союза благоденствия Иван Дмитриевич Якушкин. На тайном заседании Союза спасения в 1818 году И. Д. Якушкин выказал усердие во время богослужения в Успенском соборе Александра I, «пожертвовав собой, дабы спасти Россию от погибели».

Враг крепостного права И. Д. Якушкин принимал все меры к тому, чтобы улучшить положение своих крестьян. Он уменьшил наполовину господскую запашку и отменил некоторые отягчительные для них поборы. Чтобы ослабить правовую зависимость крестьян от помещика, он предоставил крестьянам право самим судить и определять меру наказания провинившимся, запретил крестьянам кланяться ему в ноги и снимать шапку, когда он сам в шляпе. Он стремился максимально сблизиться с крестьянами, «всех и во всякий час допуская до себя и по возможности удовлетворяя их требования». Наконец, в 1819 году Якушкин сообщил своим крестьянам, что он освобождает их от крепостной зависимости и без всякого вознаграждения сохраняет за ними строения, усадебные земли и выгоны. Нахотные земли Якушкин сохранял за собой, полагая, что крестьяне будут принимать их у него по добровольному соглашению. Последнее не удовлетворяло крестьян, и они заявили своему помещику: «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша».

В 1820 году вместе с декабристами И. А. Фонвизиным и М. Н. Муравьевым И. Д. Якушкин организовал сбор пожертвований, которые были использованы для оказания помощи голодающим крестьянам Рославльского уезда, в 1824—1825 годах строил новые планы освобождения своих крестьян, но неудачное выступление декабристов помешало их осуществлению. В начале декабря 1825 года вместе со всем семейством И. Д. Якушкин отправился в Москву и больше уже не появлялся на своей родине. Живя в Москве, он поддерживал связь с членами Северного общества и намеревался поднять восстание, но московские декабристы оказались неподготовленными, чтобы выполнить предложенный Якушкиным план, и отказались от рискованного шага.

10 января 1826 года И. Д. Якушкин был арестован и отправлен в Петербург. Попытка цезаря вызвать его раскаяние оказалась тщетной, и, отнесенный к первому разряду «преступников», Якушкин был осужден на 20 лет каторги и пожизненное поселение в Сибири (позднее каторга была сокращена на 10 лет). Находясь на каторге и поселении, И. Д. Якушкин сохранил верность революционным идеалам, много занимался естественными науками, вел просветительную деятельность. Умер в 1857 году.

В сорока километрах от Вязьмы находится село Хмельита, в прошлом родовое имение Грибоедовых, ставшее местом знакомства А. С. Грибоедова с некоторыми декабристами, в частности, с И. Д. Якушкиным. После смерти отца семья Якушкиных некоторое время проживала в Козулине у родственников Грибоедовых. Дружба А. С. Грибоедова и И. Д. Якушкина продолжалась в университетское и последующее время. Не исключено, что Якушкин явился прототипом главного героя «Горе от ума» — Чацкого, а прототипами других героев — именитые гости Грибоедовской Хмельиты.

Г. РЯБКОВ,
доктор исторических наук,
профессор Смоленского педагогического института.

[Окончание в следующем номере]

Западный форпост Москвы

(Окончание.
Начало в № 181).

С историей Вяземского уезда первой половины XIX века тесно связаны ранние годы жизни выдающегося флотоводца адмирала Павла Степановича Нахимова. Родился П. С. Нахимов в 1802 году в сельце Городок в семье небогатого помещика, владельца 130 душ крестьян. В 1812 году семья Нахимовых вынуждена была выехать к родственникам в Харьковскую губернию, но отец будущего флотоводца, Степан Михайлович, активно действовал в смоленском ополчении, командовал батальоном. По окончании войны был избран уездным предводителем дворянства и по долгу службы некоторое время проживал в Вязьме.

В 1813 г. семья Нахимовых вернулась в разоренный Городок, и Павел Степанович начал усердно готовиться к поступлению в морской кадетский корпус. В 1815 году он покинул родные края, и начались годы его учебы в кадетском корпусе. Блестящий талант помог П. С. Нахимову стать примерным офицером, а потом адмиралом. Славу ему принесли разгром турецкого флота при Синопе и героическая оборона Севастополя. П. С. Нахимов геройски погиб 30 июня 1855 года, но его имя осталось в памяти русского народа как символ мужества, храбрости, безграничной любви к своей Родине и своему народу.

ЗА ЗЕМЛЮ И ВОЛЮ

В 1812 году Вяземский уезд назван наряду с Сычевским и Дорогобужским уездами, где бунты крестьян происходили во многих вотчинах и где «помещичьи крестьяне делили между собой господские имения, даже дома разрывали и жгли, убивали помещиков и управляющих». Отмечено, что они оказывали неповиновение вотчинным начальникам, намеревались убить старосту крестьян вяземского помещика Щепочкина. Земский суд сообщил губернскому правлению в начале 1813 года, что исправник, войдя в долж-

ность, первым делом объехал помещиков и наказал «своеволов», то есть участников массовых выступлений. Помещик Корбанов, возвратясь в свое имение и узнав, что крестьяне грозилась «распороть ему брюхо», так жестоко наказал их, что некоторых уносили домой на рогах.

После войны классовая борьба не прекращалась, но особенно острый характер она приняла в 40—50-х годах XIX в., в пору кризиса феодально-крепостнической системы. В селе Папоротном помещика Воейкова в 1842 г. восстание возникло на почве слухов об обращении всех крестьян в обязанные. Как установлено следствием, крестьяне были изнурены господской работой и длительным голодом. Два года сряду помещик отправлял большинство крестьян на шоссевые работы, а оставшихся заставлял выполнять за них барщину, причем деньги, зарабатываемые крестьянами на строительстве дорог, шли не крестьянам, а помещику. Воейков запрещал крестьянам отлучаться без дозволения управителя имением на сторонние заработки.

Особенно тревожными оказались в уезде 1850—1853 годы. Массовыми выступлениями крестьян были охвачены имения многих помещиков. В сельце Измайлово крестьяне выразили свое несогласие с требованием разрабатывать лесной массив под господскую пашню. Массовое выступление продолжалось с 13 июня по 26 сентября 1850 года. Крестьянин Матвей Иванов ходил к гражданскому губернатору с просьбой отдать его в рекруты, к чему вынужден «стеснительным обращением помещика». Многие жаловались на обременение барщиной; в подчинение помещичьей власти приведены были строгими полицейскими мерами.

Крестьяне деревни Быково помещика Толстого в своем всеподданнейшем прошении оспаривали право помещика владеть ими, жаловались на попытку насильственного переселения в другое имение. Прошение это остав-

лено было «без внимания», а просителей наказали розгами, чтобы впредь на подобное не осмеливались. Однако крестьяне не успокоились. 28 ноября 1851 года помещик писал губернатору, что, хотя исправник внушил крестьянам повиноваться власти помещика, а некоторых наказал «примерно», все-таки «между ними скрывается дух непокорности». «Все мои распоряжения, — жаловался он, — воспринимаются ими как дикое и несбыточное, и я не могу найти на них управы». В конечном итоге Толстой не только оставил мысль о переселении крестьян, но вынужден был перевести их с барщины на оброк.

Но самым значительным было восстание крестьян в деревне Дмитровке помещика Дмитрия Сегеда. Это имение (всего 113 душ) было одним из самых малоземельных в уезде: на душу приходилось около полудесятины пашни и очень мало луговых угодий. Чтобы обеспечить свои семьи хлебом, крестьяне вынуждены были обращаться к сторонним работкам. Справившись со своими и господскими полевыми работами, они уходили в Вязьму и занимались к купцам пилить лес, строить дома и сараи. Но так продолжалось до тех пор, пока помещичье хозяйство было слабо связано с рынком. В 40-х годах помещик начал проявлять интерес к хлебной торговле и в связи с этим резко ограничил отход крестьян и интенсифицировал барщину: вместо трех дней заставил крестьян работать всю неделю, стал широко применять сгоны.

10 августа 1850 года 19 человек крестьян Сегеда явились к местному приставу и заявили, что в связи с малоземельем и обременением господскими работами они терпят нужду в хлебе и просят не допустить полного их разорения. Пристав расценил этот поступок крестьян как проявление неповиновения помещичьей власти и, строго предупредив об ответственности перед законом, отправил их в вотчину, а на следующий день сам прибыл в Дмитровку и сделал крестьянам внушение в присутствии помещика. Внушение приста-

ва не только не возымело действия на крестьян, но, наоборот, толкнуло их на открытый протест: 11 августа они отказались от барщины, а 12 августа отправились с жалобой в земский суд.

Чиновники земского суда потребовали от крестьян немедленно возвратиться в свою деревню и повиноваться помещику. Но крестьяне на работу не пошли. Тогда несколько человек было арестовано и отправлено в Вязьму для «законного» осуждения. В ответ на этот акт прочие неповиновующие присоединились к арестованным и, «с большим шумом» отправились в Вязьму. Понятые из крестьян соседних помещиков отказались их останавливать, заявив, что не имеют причины задерживать своих товарищей.

14 августа временное отделение затребовало прислать в имение Сегеда 25, а, если можно, то 50 солдат. Требование это было выполнено. На следующий день солдаты были уже в Дмитровке. Однако крестьян на месте не оказалось. После Вязьмы они не вернулись домой. Было дано объявление об их побегах и задержании, а 23 августа двенадцать человек крестьян Сегеда были задержаны в Смоленске. Под страгом караулом задержанных отправили в Вязьму и водворили там в тюрьму, а в имение Сегеда были направлены почковник корпуса жандармов Романус и старший чиновник по особым поручениям Воейков.

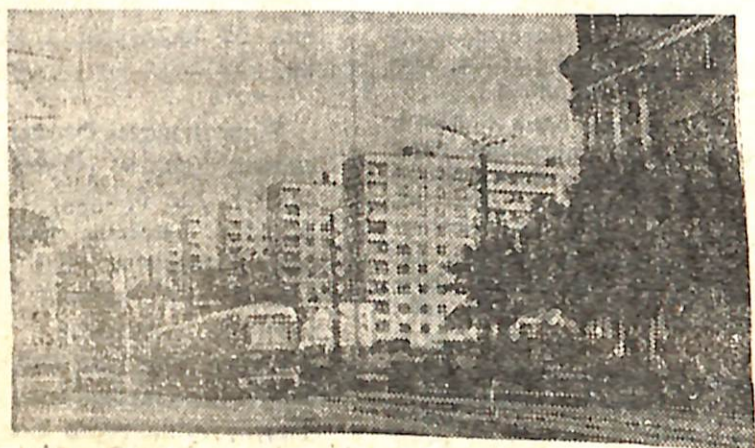
Ознакомившись с положением крестьян и делами вотчинной конторы, Воейков вынужден был сообщить губернатору, что крестьяне Сегеда действительно ежегодно терпят крайность в продовольствии и в имении «водворилась бедность и почти всегдешнее нищенство», ссуда из мирского магазина выдается только в весеннее время и в малом количестве, причем выдача ее производится не по наличным душам, а по тяглам, и многосемейные получают нередко меньше пособия, чем малосемейные. Подтверждалась жалоба крестьян на обременение работами; почти все господские работы выполнялись сгонами, так что для собственных работ времени у крестьян оставалось мало. По мнению полковника Романуса, вина крестьян состояла лишь в том, что они пошли жаловаться все вместе, но и это случилось потому, что «потеряли, наконец, терпение, продолжавшееся двенадцать лет».

Такие наблюдения важных чиновников, казалось, полностью оправдывали действия крестьян. Но каких-либо ра-

дикальных мер по их жалобе предпринято не было. Губернатор согласился с предложением губернского предводителя дворянства князя М. В. Друцкого-Соколинского обязать Сегеда придержать себя с трехдневной барщиной, увеличить недели или предоставлять им возможность побочных заработков. По твердому убеждению предводителя дворянства, крестьяне Сегеда вовсе не бедны, а жалоба — результат их дурной нравственности. 18 сентября вяземский исправник сообщил губернатору, что владелец перedal имение своему сыну, который при вступлении во владение добавил крестьянам по десяти десятинам к каждому полю. Всего, таким образом, они должны были иметь теперь 105 десятин на 133 души. Но это, естественно, не удовлетворяло крестьян, и они еще долго пытались протестовать. Зимой 1850—1851 годов они отказались возить лед в господский ледник, весной не поехали возить на господские поля навоз с ближайшей почтовой станции, летом собрались на сходки «для каких-то тайных совещаний», собрали деньги «на хлопоты о какой-то вольности», в 1852 году не платили подушную подать, не вносили сбор в хлебозапасные магазины, истребили господский лес. В апреле 1853 года в господской работе участвовало лишь четыре двора, а остальные вновь «предались своевольству» и, являсь в Вязьму, обратились в земский суд с просьбой принять в ополчение за поволжские губернии. За этот «патриотический» порыв, за многолетнее неповиновение помещику, решением земского суда два человека были отправлены в ссылку, а остальные под конвоем водворены в имение и по воле помещика наказаны розгами.

Довольно острый характер носила борьба крестьян во многих имениях помещиков в 1859 — феврале 1861 годов, когда царизм вынужден был взяться за реформу. Выступления крестьян выражались в отказе от господской работы и выполнения распоряжений вотчинной администрации. «Нерадивое» отношение к господской работе было отмечено в Хмелите, Остапкове и Зяблкове. Будучи стихийными, крестьянские выступления были обречены на неудачу, терпели поражение. Но они создавали ту обстановку, которая заставила царизм отменить в 1861 году крепостное право.

Г. РЯБКОВ,
доктор исторических наук,
профессор Смоленского педагогического института.

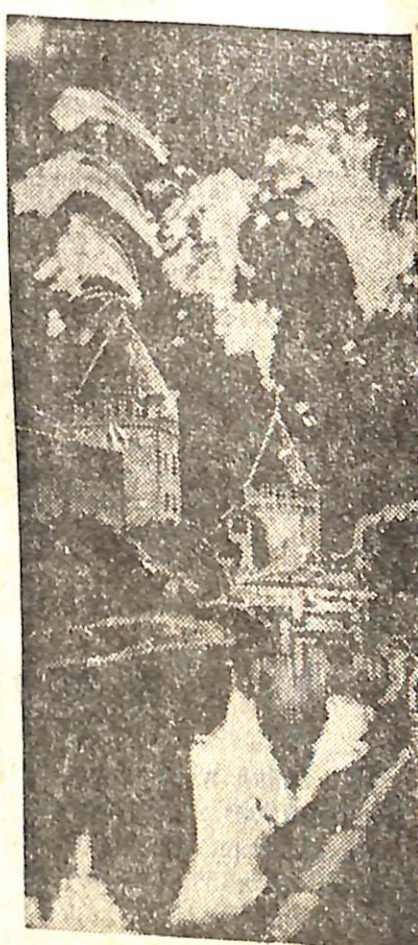

Город-герой Смоленск, стоящий более одиннадцать столетий на берегу Днепра, известен прекрасными памятниками старины. Одним из них является оборонительно-архитектурное сооружение, построенное на рубеже 16—17 веков, — крепостная стена с ее удивительными неповторимыми башнями...

Древний Смоленск растет, его население прибавляется на пять тысяч человек в год и уже насчитывает 330 тысяч жителей. Красивы его улицы и площади, застраиваются новые микрорайоны и жилые массивы, решаются не легкие проблемы транспортных связей. В нынешнем году в честь 40-летия Великой Победы в городе-герое Смоленске впервые прозвучал артиллерийский салют.

На снимках: одна из крупных магистралей современного Смоленска — улица Николаева; праздничный салют у древней крепостной стены.

(Смоленская фотохроника)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вышел в свет пятнадцатый том (часть 1-я) сборника документов «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». В нем публикуются основные документы, принятые Центральным Комитетом КПСС и высшими органами государственного управления СССР с января 1983 г. по апрель 1985 г.

Материалы тома убедительно показывают, что Коммунистическая партия и Советское правительство, опираясь на мощный материальный и духовный потенциал, последовательно и целеустремленно ведут работу по всемерному развитию всех отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта и строительства, проявляют постоянную заботу о развитии науки и техники, образования и здравоохранения, о подъеме материального и культурного уровня жизни советских людей, об укреплении обороноспособности страны.

Центральное место в томе

занимают решения Пленумов ЦК КПСС.

Все акты, включенные в том, являются действующими. Ряд документов публикуется впервые.

Сборник выгущен Издательством политической литературы.

ГАЛКО В. Г. Партком и бригадная форма организации труда.

Автор книги — секретарь парткома Минского тракторного завода имени В. И. Ленина — рассказывает об опыте работы партийной организации. Он анализирует комплекс вопросов, связанных с проблемами эффективности бригадного труда и повышения трудовой и общественной дисциплины, морально-психологического климата в коллективах и партийного влияния в них, развития социалистического соревнования, особенностей идеологической работы в бригадах и др.

Рассчитана на широкий партийный и хозяйственный круг читателей.